

Глава 7. Утренний совет

Стоило свитку с докладом коснуться пола, как душа министра ритуалов господина Пань досрочно отлетела в небеса. Я глядел на его мертвенно-бледное лицо, содрогаясь всем телом на жестком драконьем троне, но мысли мои продолжали лихорадочно крутиться. Посреди этого балагана меня вдруг осенило: пора достать из пыльного сундука мой старый, проверенный прием — наплевать на всё и пуститься во все тяжкие.

Чинуши, которые только что яростно мешали с грязью несчастного министра, теперь победно выпячивали грудь. Я примерился, замахнулся ногой и со всей дури пнул свиток прямо в сторону того умника, который задрал нос выше всех. В этот пинок я вложил все остатки сил, и меткость меня не подвела. Правда, вместе со свитком с ноги сорвался и сапог, но оба снаряда приземлились точнехонько по адресу. Свиток со свистом шмякнул наглеца по лицу, а сапог с глухим стуком покатился по центру зала, заставив притихших придворных судорожно вздрогнуть.

Свиток медленно сполз по лицу чиновника, оставляя за собой дорожку юшки из носа. Мой великий канцлер Чжун Бочэнь, чья душа, казалось, давно парила где-то в чертогах девятого неба, наконец снизошел до бренной земли. Он заговорил — неторопливо, но так, что каждое слово ложилось могильной плитой:

— Вопрос о реставрации императорских гробниц изначально был передан в ведение министерства ритуалов. Каковы же ваши истинные мотивы, раз вы решили влезть не в свое дело? Вы прикрываетесь сыновней почтительностью Его Высочества, утаивая катастрофическую нехватку средств в казне. Ради чего? В то время как голодают люди, вы заботитесь лишь о собственной выгоде и чинах. Ваши помыслы гнусны и заслуживают сурового наказания.

— К тому же, — генерал Вэй шагнул вперед, выкладывая на стол еще одну горькую правду, — не так давно застава Холодной долины подверглась набегу тюрков под предводительством Ашины. Генерал Цзи Оу пал в бою, а его жену и детей увели в плен. Враги требуют за них огромный выкуп, угрожая в противном случае казнить всю семью на глазах у гарнизона. Генерал Цзи отдал жизнь за родину, а у нас в казне нет даже горсти серебра, чтобы спасти его близких! И у вас после этого поворачивается язык спорить о гробницах?!

Кое-что начало всплывать у меня в памяти. Кажется, Чжун Бочэнь упоминал об этом мельком, но я тогда пропустил его слова мимо ушей. После гневной речи генерала Вэй я вдруг осознал: черт, ведь это же я сам когда-то написал в сценарии! Только по сюжету за дело брался мой младший императорский братец. И как же он поступил?

Да никак, мелкий ублюдок просто умыл руки. Денег не нашлось, и он пустил всё на самотек, оставив пленников на милость судьбы. Вот только у судьбы в исполнении дикарей милосердия не нашлось. Этот паршивец Ашина вырезал всю семью генерала Цзи Оу, а их отрубленные головы швырнул под стены крепости, разом похоронив боевой дух пограничных войск.

Я, конечно, не мог хладнокровно обречь живых людей на смерть. Пока я лихорадочно соображал, как выкрутиться из этого положения, из какого-то темного угла в самом конце зала донесся язвительный шепоток:

— А разве заставу Холодной долины сдали не под его командованием?

Ого, ну и наглость. Тут уж не только дядя Вэй взъярился бы — даже у меня внутри всё закипело. Евнух Лу как раз услужливо притащил мой беглый сапог, но я тут же выхватил его из рук слуги и запустил обратно в толпу:

— Кто там вякает из-за угла?! А ну шаг вперед!

Толпа придворных зевая у задних дверей мгновенно брызнула в стороны, оставив одного несчастного стоять посреди пустого круга. Яркий солнечный луч упал прямо на бедолагу, подсвечивая его, словно актера на сцене бродячего театра. Я ткнул пальцем в сторону этого смертника:

— Это еще что за чудо?

Один из министров, явно обожавший чужие неприятности, спрятал руки в широкие рукава и охотно пояснил:

— Ваше Высочество, это заместитель министра доходов. Ах да, а ваш покорный слуга — министр чинов, вы, должно быть, меня еще не запомнили.

Я смерил его быстрым взглядом, отметив про себя лишь дурацкую козлиную бородку, и снова уставился на притихшего заместителя министра доходов.

— Гляжу, у тебя есть свое, весьма авторитетное мнение о том, как нужно оборонять границы?

Евнух Лу с кряхтением опять притащил мне многострадальный сапог и попытался натянуть его мне на ногу. Кое-как обувшись, я поспешно спустился по нефритовым ступеням вниз. На ровном полу дышалось куда легче, чем на верхотуре трона.

— На войне всё меняется в мгновение ока! Направление ветра, погода — да любая мелочь может обернуться поражением, против которого человек бессилен! К тому же из-за таких, как вы, среди военачальников нет согласия! — Мой гнев вспыхнул с новой силой. Я буквально навис над этим олухом: — Ты сам хоть раз держал в руках оружие? Стоял на стене под градом стрел?! Нет ведь? Отлично, я предоставляю тебе такую возможность. Забудь про свое министерство доходов. Отправляйся на границу, будешь родину защищать!

— Ваше Высочество! Он просто оговорился... Проявите милость! — из толпы поспешно выбежал пожилой чиновник, пытаясь спасти своего подчиненного.

Министр чинов покосился на него и заговорщически прошептал мне:

— Ваше Высочество, а это сам министр доходов.

— Да знаю я, знаю, — раздраженно отмахнулся я от назойливого проводника. — Сморозить глупость такого масштаба — это тоже талант, чего уж там. Нечего зарывать его в землю. Вон отсюда! Вышвырнуть его!

Эту фразу я перенял у генерала Взя, пусть мне и не хватало его грозного рыка.

Но, к моему удивлению, стоило мне отдать приказ, как бедолагу действительно схватили под микитки. И верховодил этим процессом не кто иной, как мой личный телохранитель — верный Сүй Чанчжи.

Точно, я ведь совсем забыл, что он командует Императорской гвардией. Судя по тому, с какой легкостью он расталкивал министров, должность у него была немаленькая.

Хнычущего заместителя министра доходов утащили прочь, и мосты позади меня были окончательно сожжены. Раз уж терять нечего, я решил идти до конца. Развернувшись на каблуках, я ткнул пальцем в чиновника, которому недавно досталось свитком по физиономии:

— А ты у нас кто такой?!

— Отвечаю Вашему Высочеству: это губернатор Сюньчжоу, — министр чинов окончательно вошел во вкус своей роли придворного гида, разве что в его голосе теперь отчетливо сквозило угодничество.

У него из носа всё еще сочилась кровь, а лицо стало бледным, как свежая побелка. Не знаю, что на меня нашло — то ли хмель от вчерашнего поила всё еще бродил в голове, то ли вся накопившаяся за последнее время обида разом вырвалась наружу. Я буквально закипел и гаркнул прямо в его бледную физиономию:

— Богатый урожай в Сюньчжоу — это твоя заслуга, что ли?! Каким боком ты вообще к нему причастен?! Тебе просто повезло получить хлебные земли, да народ там работающий попался! Люди спины не разгибали, трудились в поте лица не для того, чтобы ты их зерном перед властью выслуживался! Лишаю тебя жалованья на год, а с завтрашнего дня марш на поля! Пока руки мозолями не покроются — на глаза мне не показывайся!

Он тут же забыл про разбитый нос и принялся исступленно биться лбом о каменный пол:

— Пощадите, Ваше Высочество! Моя вина! Каюсь!

— Пошел вон! — я со свистом взмахнул рукой, и исполнительный Сюй Чанчжи привычным жестом выволок очередного виновника за двери.

Стоило дверям захлопнуться за губернатором, как его дружки окончательно растеряли остатки мужества. Они повалились на пол, готовые пробить лбами каменные плиты, лишь бы вымолить прощение. Но мне было плевать. Поймав кураж, я окончательно перестал выбирать выражения:

— Вы притащили меня в этот зал и усадили на трон только потому, что вам до смерти нужен правитель. Так вот, слушайте сюда: пусть на это место садится кто угодно, только не я. Мне этот престол даром не сдался.

Я выложил им всю чистую правду прямо в лоб. По залу пронесся тихий, испуганный выдох сотен ртов. Даже всегда невозмутимый Чжун Бочэнь деликатно прикрыл рот ладонью и негромко покашлял, изображая внезапный приступ простуды.

Но мне было наплевать. Это мой собственный мир, моя история! Кого мне здесь бояться?!

— Быть императором — сомнительное удовольствие. А в нашей стране — так и вовсе чистой воды самоубийство. В детстве меня чуть что отправляли заложником к чужакам, где я, императорский сын, должен был пресмыкаться перед врагами. Кое-как вырос — и тут же попал под прицел наемных убийц. То меня режут, как свинью, то травят так, что изо всех щелей свистит. Выживу — хорошо, а не успеют лекари откачать — отправлюсь прямиком к праотцам. И что тогда? Вы опять будете месяцами грызть друг другу глотки, решая, достоин ли я приличной могилы?! — я с горькой усмешкой потер ноющий бок, где под повязками горел свежий шов.

— Мы виновны... — хором запричитали придворные, повалившись на колени подобно примятой бурей пшенице. Они умоляли меня замолчать, но останавливаться я не собирался.

— Вы тут в один голос твердите, будто императорские гробницы должны поражать воображение роскошью, и тащите туда лучшее шелковое платье и горы золота. Да только вы забыли спросить самого отца — он терпеть не мог всю эту мишуру! Вы забили его гроб драгоценностями под самую завязку и думаете, что ублажили его душу? Да он сейчас там, в посмертии, кулаками колотит по крышке гроба и кроет вас последними словами!

— Если действительно хотите порадовать отца — принесите ему на могилу отрезанную голову Ашины! Или сделайте так, чтобы казна помилась от серебра, закрома лопались от зерна, а простые люди забыли, что такое голод и нищета! Вот это я понимаю — почтение!

— Вы вообще помните, как погиб мой отец?! Он пал в бою, с мечом в руках! А его убийца преспокойно пирует в степях и смотрит, как вы, стадо баранов, грызетесь из-за объедков у подножия пустого трона!

— Мертвым льстите, а живых губите. Грош цена вашей учености, псу под хвост её выкинуть!

В зале воцарилась гробовая тишина. Я наконец-то выговорился, сбросив с души этот неподъемный камень. Мои слова, словно картечь, прошли толпу насквозь. Пусть я задел невиновных — плевать.

В конце концов, это моя история, и правила здесь устанавливаю я.

Высказав всё на одном дыхании, я откашлялся и решил переходить к делу. Виновных я проучил, пора заняться насущными проблемами. Я перевел взгляд на министра ритуалов господина Пань, который съезжился на полу, напоминая испуганного хомяка:

— Господин Пань, что касается императорских гробниц. Главное, чтобы крыша не текла, ветер внутри не гулял, да выглядело всё мало-мальски пристойно. Делай так, как считаешь нужным. А если какая-нибудь сволочь вздумает совать нос в твои дела — снимай сапог и бей прямо по наглой роже.

— Ваше Высочество истинно мудр! — министр ритуалов буквально расцвел на глазах, торопливо собирая в кулак остатки храбрости. Но тут меня дернул черт за язык добавить:

— И оставь там местечко для меня... Сделай склеп двухместным. Впрочем, ладно, обойдемся одиночным.

Договаривая это, я украдкой покосился на Чжун Бочэня. Тот, словно почувствовав мой взгляд, медленно поднял голову.

Я поспешно отвел глаза, ощутив глупое, необъяснимое замешательство. С какой стати мне вообще приспичило обустривать семейный склеп? Разве что для будущей супруги... Но судя по тому, что меня то режут, то травят с завидной регулярностью, до свадьбы я банально не доживу. Если смотреть на вещи трезво, то та прекрасная незнакомка, что вчера вернула меня к жизни точным пинком, так и останется единственной женщиной, разделившей со мной хоть какую-то близость. Пусть даже эта близость ограничилась подошвой её туфли.

Министра ритуалов от моих похоронных откровений едва удар не хватил. Он подался вперед, испуганно лепеча:

— Ваше Высочество! Помилуйте, не к добру такие речи!

Я отмахнулся от него и повернулся к министру чинов:

— Господин министр чинов, те два места, что только что освободились — найди на них толковых людей и заполни вакансии. И вообще, проведи ревизию. Если кто-то просиживает штаны без дела или вредит государству — гони в шею, а то и на плаху отправляй. Меньше слов,

больше дела.

Затем я посмотрел на Чжун Бочэня, державшегося в стороне от общего переполоха:

— Великий канцлер. Вопрос с выкупом семьи генерала Цзи Оу ложится на ваши плечи. Обсудите детали с генералом Вэем. Что касается голода в Сунчжоу — берите бразды правления в свои руки. Если потребуется, открывайте государственные закрома и раздавайте зерно. Запомните раз и навсегда: первыми сытыми должны быть те, кто воюет, и те, кто страдает от бедствий. А столичные господа могут и потерпеть, от легкого поста еще никто не умирал.

— Слушаюсь, Ваше Высочество, — Чжун Бочэнь поднял на меня взгляд. В его глазах проскользнуло нечто похожее на мимолетный интерес. Впрочем, возможно, мне просто показалось. Не знаю, сознательно ли он произнес эти слова или просто подчинился общему порыву.

В голове шумело, веки налились свинцом. Рана на животе заныла с такой силой, что боль, казалось, доползла по ребрам и шее прямо до коренных зубов. Мне было уже не до разгадывания его загадочной души. Поманив пальцем евнуха Лу, я оперся на его плечо, с трудом поднялся и бросил напоследок:

— На сегодня хватит, я устал. Все срочные доклады присылайте в письменном виде.

С этими словами я покинул зал заседаний.

Уже у самого выхода я не удержался и бросил быстрый взгляд назад. К моему удивлению, никто из придворных даже не шелохнулся — они так и стояли посреди зала, напоминая соляные столпы. Впрочем, мне было плевать на них. Всё, чего мне сейчас хотелось — это поскорее добраться до постели и заставить Лу Цзюаня проверить, не разошлись ли швы на животе.

Предчувствие меня не обмануло — в вопросах мелких пакостей судьба редко давала осечки. За то недолгое время, что я провел на совете, плотная повязка успела пропитаться кровью, которая теперь противно липла к нательной рубахе.

Императорский лекарь Шангуань Ся влетел в покои с медицинским сундучком наперевес. Едва взглянув на мою рану, он недовольно нахмурился:

— Ваше Высочество, вам категорически нельзя было вставать с постели, не говоря уже о совете.

— Да я и сам туда не рвался! Меня туда чуть ли не силой утащили! — проворчал я.

Рана не только немилосердно болела, но еще и зудела так, что выть хотелось. Заметив, что я дергаюсь на постели, словно выброшенный на берег карась, он решительно прижал меня к матрасу и строго произнес:

— Ваше Высочество, ранение очень глубокое. Если не будете беречься, дело кончится плохо.

Он влил в меня очередную порцию какого-то невероятно горького отвара, после которого мне окончательно расхотелось жить. Уткнувшись лицом в подушку, я принялся прокручивать в голове события этого утра. Только сейчас до меня дошло, сколько глупостей я наговорил перед всем двором, да еще и умудрился выругаться матом прямо при министрах.

Я тихонько прыснул в подушку. Сами ведь напросились! Я предупреждал, что не хочу никуда идти. Теперь пускай любуются на своего нового правителя — грубого, неотесанного сквернословя. Едва ли благородные мужи захотят видеть такого императора. И отлично! Пусть ищут себе другого дурака на это место, а я умываю руки!

От этой мысли мне стало так легко и спокойно, что я незаметно для себя начал проваливаться в сон. Сознание медленно угасало, как вдруг сквозь дремоту я почувствовал легкую прохладу на животе, а в воздухе разлился тонкий травяной аромат.

Я лежал смирно, решив, что это Хунцзао или Хундоу пришли обновить мазь. Странно, но сегодня девчонки действовали на удивление нежно — обычно они безжалостно сдирали едва присохшие корочки. Довольно замурлыкав, я сонно пробормотал:

— И ноги разомните... а то гудят...

Я заплетькающимся языком умудрился прикусить его кончик.

Неизвестный заботливо прикрыл мой живот тонким покрывалом и принялся аккуратно разминать мне икры. Но стоило его пальцам коснуться кожи, как я мгновенно заподозрил неладное. Хватка была слишком крепкой и уверенной — у моих служанок ладони были куда мягче и меньше. С трудом разомкнув веки, я скосил глаза вниз.

У постели, опустившись на одно колено, сидел Чжун Бочэнь. Он с самым серьезным видом массировал мои затекшие ноги, а широкие рукава его парадного одеяния щекотали мне щиколотки. Я оцепенел. В следующую секунду я испуганно дернулся и резко сел на постели. В тот же миг свежий шов на животе с треском лопнул, и сквозь бинты брызнула алая кровь...